

МОКРЫЙ ЛУГ

Картина маслом Ф. А. Васильева, 1870

Третьяковская галерея, Москва

меня свою грубую ладонь, воспоминание о весенней заре, чистой, как божий ангел, воспоминание о песенке жаворонка возвращает душе моей чистоту и невинность...

А жаворонок долго пел, пел, пока выплыло солнце, когда веселее взглянул мир божий, и опять полые воды еще сильнее разыгрались на лугах *.

1887

Беловой автограф с авторской правкой (без заглавия): ГМТ, № 966, л. 1—4. Дата и подпись: «Пис. 1887 года. Ив. Бунин». Лист первый поврежден—верхняя часть его оторвана.

Впервые отрывки из этого наброска приведены в статье: Г о л ь д и н, стр. 4.

СВЕТ ЖИЗНИ

Сказка

Предисловие Л. Н. Афонина

Произведение, несомненно, автобиографическое, «Свет жизни» по своему содержанию и стилю близок к публикуемой выше «Песне жаворонка», открывая интеллектуально богатый, озаренный поэтическими переживаниями мир будущего писателя. Эта «сказка» — свидетельство того, что уже в самом начале творческого пути Бунина волновала проблема «рождения художника», которой впоследствии был посвящен роман «Жизнь Арсеньева». Интересен этот фрагмент и чисто фактическими сведениями: он расширяет наше представление о круге чтения юного Бунина, вводя в число его любимых поэтов имена Гейне и Теннисона.

Впервые сведения об этом этюде приведены в статье: Г о л ь д и н, стр. 4 и 7.

* Далее в автографе зачеркнуто: Эта песнь связалась с моею душою. Когда порою горе подойдет ко мне, я вспоминаю песню жаворонка, и мне станет легче. Тяжелая тоска сменяется тихой грустью. Я плачу тогда, и в сердце у меня звучит трель птички.

Вспоминается мне село, сады, поля, овраги и весенние потоки, которые играли и шумели в них, падая с уступа на уступ...

... В старой и тихой улице одного небольшого города, в бедном мещанском домике я знал мальчика; он был привезен из деревни, с далекого сельского хутора, затерявшегося среди высоких степных хлебов, чтобы учиться всему, что знают в большей или меньшей степени все люди и что составляет, по мнению этих людей, необходимую принадлежность жизни. Мальчик не представлял из себя ничего особенного; он был некрасив даже. Лицо его было очень часто болезненного цвета; характер его был, по словам его воспитателей, испорчен: он легко раздражался и в такие минуты плакал злыми недетскими слезами. Быть может, это случалось от той же болезни.

Но наряду с этим в душе ребенка жило с первых дней младенчества нечто совсем иное, нечто глубокое и прекрасное, хотя многие взрослые люди, окружавшие его, вовсе не считали это свойство прекрасным. Сам ребенок впоследствии, будучи уже не ребенком, а юношей, старался развить это свойство своего сердца, называя его своим единственным счастьем, и, разумеется, не обращал внимания на тех, которые говорили, что он обладает глупым счастьем.

И люди эти отчасти, с своей точки зрения, были правы.

Не всегда, разумеется, это свойство, это чувство царило в душе ребенка. Но когда оно охватывало его, он забывал для него все. А охватывало оно душу ребенка тогда, когда он бывал увлечен или дружбой с каким-нибудь из школьных товарищей, или зачитывался каким-нибудь поэтом и бессознательно, не все вполне понимая, наслаждался, охваченный непонятым восторгом, его произведением, или весной уходил за город, ложился где-нибудь во ржи на высокой меже и глядел в далекое небо, где стоял черной точкой степной ястреб, между тем как по полю ходили медленные и плавные волны золотистой ржи и в траве стрекотали бесчисленные кузнечики.

Тогда он начинал лениться в школе, подолгу задумывался, и бог знает, что творилось тогда в его душе. Может быть, он становился или чувствовал себя, по крайней мере, тогда великим человеком.

Сам он ясно не помнит, что ему мечталось и что снилось иногда в долгие ночи. Помнит только, что его настроение всегда сказывалось в странных образах и поэтических сновидениях. В первые годы отрочества больше всего ему снились картины природы.

Как-то раз ему попала одна из книг великого немецкого поэта, и после этого почти всегда ему грезились горы. Он старался представить себя свободным в горах, одиноким и задумчивым, и невольно повторял с поэтом:

Ухожу от вас я в горы,
Где живут простые люди,
Где свободно веет воздух
И дышать просторно груди,
В горы, где темнеют ели,
Шумны, зелены, могучи,
Птицы свищут, воды плещут
Да свободно мчатся тучи ¹.

Помнит он, как он плакал, читая чудные строки из «Королевы Мая» Теннисона ², помнит, какое неизгладимое впечатление производили на его сердце сказки, чудные, проникнутые высокими мыслями и глубоким гуманным чувством, сказки великого датского поэта ³.

Часто, под влиянием прочитанного, снилось еще ему тихое, голубое море... Свежий, легкий ветер гонит к берегу волны... Вдалеке белый парус и белые полосы пены, отливающей шелком на солнце... Чайки качаются вместе с прибоем под скалами... Высокие стебли водяных зеленых растений колыхаются взад и вперед от ветра... И отовсюду веет свободой, веет радостной и бодрой жизнью, и сердце наполняется вольным, юным, блаженным чувством.

После таких мечтаний, весь обвеянный поэтическим настроением, только и бывал бесконечно, по-детски счастлив мальчик, забывая серенькую, будничную жизнь.

Помнится мне, как он в первый раз влюбился. Ему было тогда лет тринадцать, и первая его любовь была странного характера. Пожалуй, ее нельзя даже назвать любовью.

В той церкви, куда он обыкновенно ходил к вечерне с своим воспитателем-студентом, высоким *

<1886—1887>

Беловой автограф: ГМТ, № 962, л. 1—2 об. Конец утерян. Основанием для датирования служит почерк, одинаковый с почерком поэтических тетрадей 1886—1887 гг.

¹ Г. Гейне. Путешествие на Гарц. Пролог (перевод М. Л. Михайлова). Бунин мог знать эти стихи по изданию: «Собрание сочинений Г. Гейне в переводах русских писателей, изданное Н. В. Гербелем» (т. 2. СПб., 1878). Очевидно, он цитировал по памяти — последние две строки приведены неточно.

² Вероятно, поэму А. Теннисона Бунин знал по сборнику: «Английские поэты в биографиях и образцах». Изд. Н. В. Гербеля (СПб., 1875); это была одна из первых книг, прочитанных им в детстве (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 258).

³ Впоследствии Бунин вспоминал: «Из того, что произвело на меня в первые гимназические годы особенно поэтическое и восторженное впечатление, вспоминается сейчас „Колокол“ Андерсена» (там же).

НЕФЕДКА

Святочный рассказ

Нефедкой его звали почти все. Несмотря на то, что в его реденькой и жесткой бородке было уже несколько посеребренных годами волосков, такая кличка нисколько не странно звучала в его ушах. Он привык, давным-давно привык ко всему подобному. Ему казалось, что называть его иначе даже невозможно. Иногда только он хотел показать вид, что обижается, если, например, за ним гурьбой кричали мальчишки, когда ему случилось медленно возвращаться домой из кабака, сильно раскачиваясь в разные стороны. Тогда он старался сделать свои маленькие пьяные глаза злобными и презрительными.

— Нефедка, Нефедка! — повторял он хриплым голосом. — Ишь, чертенята! Кому — Нефедка, а вам — дяденька!..

Но ничто не могло внушить к нему уважение. Он был деревенский беднягасапожник, один из тех несчастных субъектов, пришибленных бесприютной нуждой, которые махнули рукой на всю свою горемычную жизнь. Он жил где-то на краю села на квартире, в маленькой и темной избушке, почти вросшей в землю, жил и грязно, и крайне бедно, несмотря на то, что работал, не разгибаясь, по целым дням. Детей у Нефедки было много, а жена, чахоточная, изнуренная женщина, почти всегда лежала больною.

Нефедка все это видел и никогда не жаловался и не скорбел ни о чем. Маленькие глазки его почти всегда добродушно или хитро улыбались, хриплый голос звучал хоть и отрывисто, но весело и беззаботно... Пьяный, он иногда плакал, но плакал вполне бессознательно. Даже грустные чувства не размягчали его загрубевшего сердца

Был канун рождества. Поздно вечером возвратился в этот день Нефедка из «заведения» и прямо, не заходя в избу, пробрался на двор, запряг хозяйскую клячу в розвальни и осторожно выехал за околицу.

Стояла холодная лунная ночь. Звезды ярко блистали синеватыми острыми огоньками в глубине неба. Под полозьями розвальней визжал и хрустел, как алебастр, снег, и каждый звук далеко отдавался в морозном воздухе, среди мертвого молчания зимней ночи.

* Здесь рукопись обрывается.